

«Завистливый по чужому счастью сохнет (вар. чахнет)»; «Завидуши глаза не знают стыда»; «Завистью ничего не возьмешь» и т. д. (стр. 672—676).

Богатство, если оно не связано с неправдой и не переходит в жадность («несытость») и скупость, требует, чтобы человек был умерен в своих желаниях и жил правдой. Изборник 1076 г. учит словами Златоуста: «Не ть есть богат, мьного имея, но ть, иже мьнога не требуют. Ни убог есть ть, иже мьнога не имать, нъ ть, иже мьногих хочеть» (стр. 437). Псалтырь напоминала: «Луче малое праведнику паче богатства грешных многа»; «Уне малое праведнаго, а нежели богатства много нечестивых» (псалом 36 — Амфилохий I, стр. 230). Пчела делала выписку из Ниского: «Луче есть мало имети с добрым, нежели много с злым» (стр. 129). «Священные параллели» выписывают «от приточь»: «Уне есть мал недостаток съ правдою, неже многа жита с неправдою» (стр. 16). Пчела приводит рассуждения об этом разных авторов, в том числе и античных: Плутарх — «Ни пир без беседы бывает, ни богатство без ума, ни без добродетели твердо бывает»; «Ни от мертвеца беседы слышати, ни от сребролюбца благи просити» (стр. 130); Мусоний — «То есть токмо богат, иже възможе мудр быти и стяжати потребная, а излише не ищеть» (стр. 136); Демокрит — «Не богатый блажен, но иже богатства не требует» (стр. 131).

Так, само понятие о богатом подводит к афоризмам о «несытом», осуждающим жадность, которая делает людей «немилостивыми» к ближним. Пословица кратко выражает ту же мысль: «Правда дороже золота»; «Деньги смогут много, а правда — все» (Даль, стр. 195). Вариантов пословиц о силе правды Даль собрал много (стр. 195—199).

Христианское учение о том, что богатство дается человеку временно, обязывало его делиться с каждым нуждающимся, даже независимо от того, достоин ли он по своим нравственным качествам помощи. Отсюда вытекала крайне суровая оценка учительной литературой всех проявлений скупости, жадности, сребролюбия, притом не в абстрактном понимании этих свойств, а в конкретном проявлении их в «нраве» и поведении человека, одержимого этими страстями. «Слово Ивана Златоустаго яко нелепо есть нынешними пецися, но паче вечными» (Измарагд) так изображает сребролюбие: «лютый сей недуг» поражает и «убогого», и «богатого»; первый «не от имениа, но от глада казнь приемлет, имениа бо не хочет ся насытити николи же пропаснаго, но утробу свою мучит гладом и тело наготою, и зимою жметя, паче связанных стражет». Богатый сребролюбец также «паче темничнаго стражет, не имением, но изволением несытства, иже присно болше хотят, николи же остатися могут злыя тоя похоти». «Несть скупый стяжанию своему господин, но страж есть и приставник и раб». Душа сребролюбца «тлеет, зрящи блистания златнаго» (Измарагд, слово 19). Поучение о милостыни Иоанна Златоуста укоряет скупого, угрожая: «Тело ти изсушит несытость имения . . . Яко бо море не наполнится, многи реки приемля, тако и ум человек несыт есть, многа имениа собирая».¹⁸ Другое «слово» того же автора «о берущих многа имениа» предупреждает, что скупой сребролюбец так и умрет, не получив радости от своего богатства, а воспользуются им и растратят его «иные»: «Тому (сребролюбцу, — В. А.-П.) токмо мятежь и скорбь, а инем богатство и слава дому его; той бо алчет, а инии добра его насыщаются; тому проклятие, а инии негуются во имении его; тому стожание, а инии имением его чтятся. . .». Наконец, проповедник напоминает,

¹⁸ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3, стр. 70.